

М.О. ТРОЯНОВСКАЯ

США И СУВЕРЕННЫЕ РЕСПУБЛИКИ НОВОГО СВЕТА (конец XVIII – первая четверть XIX века)

В течение первых десятилетий после появления на карте мира нового государства – Соединенных Штатов Америки – перед его руководством стояла дилемма: как следует стране, рожденной в революционной борьбе за независимость, отнестись к взрыву революционной активности народов, охватившей монархический мир на европейском и американском континентах в конце XVIII – первой четверти XIX вв.? В поисках ответов на эти актуальные вопросы, лидеры американской республики закладывали основы важного аспекта своей внешнеполитической доктрины.

К тому времени, когда население испанских колоний в Новом Свете – ближайшие соседи американцев – начали борьбу за независимость от Испании, у жителей США имелся достаточно серьезный и поучительный опыт взаимодействия с революционной Францией. Как руководители, так и простые граждане молодой заокеанской республики воспринимали Французскую революцию – особенно на ее начальном этапе – как продолжение и развития “духа 1776-го”¹. Первоначально представлялось, что обе страны связаны навеки веков общим делом: они вместе воевали против узурпаторской британской монархии во время Войны за независимость и были объединены двусторонним договором 1778 г. о мире, дружбе и военном союзе. На протяжении двух с лишним десятилетий “отцы-основатели” и следующее поколение американских государственных деятелей с особым вниманием следили, как “братья революционеры” во Франции последовательно сменили пять революционных режимов и пришли в конце концов к подобию монархии в период правления Наполеона Бонапарта. Режим его единоличной власти, несмотря на то, что Франция в то время воевала против общего с США врага, Великобритании, глубоко разочаровала практически всех граждан страны. Американцы пришли к выводу, что следует “вращивать драгоценное древо свободы дома”², а не пытаться влиять на исход революционных событий в других странах. Курс на невмешательство в дела других держав независимо от их политического строя и строгий нейтралитет в условиях конфликтов между государствами были на долгие годы вперед зафиксированы в прощальном послании первого президента США Джорджа Вашингтона в 1796 г.

Однако когда США столкнулись с начавшейся борьбой за независимость по соседству от них, они не смогли оставаться равнодушными. При этом если Французская революция породила рассуждения относительно продолжения “духа 1776-го” по другую сторону океана, возможной трансатлантической революционной судьбы двух народов и соответствующей роли Америки, то процесс распада Испанской колониальной империи в Новом Свете изначально поставил на повестку дня иные проблемы: определение стратегических интересов самих США, того, как национально-освободительное движение

Трояновская Мария Олеговна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Подробнее см.: *Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М., 2010, с. 65–86.

² *The Writings of Thomas Jefferson*. New York, 1899, v. 10, p. 8.

к югу от них сможет повлиять на их собственные экономические, территориальные и политические устремления.

Перспектива установления тесных контактов с лидерами национально-освободительных движений в Латинской Америке таила в себе как большие выгоды, так и существенные опасности. Европоцентристская система международных отношений постепенно расширялась, захватывая и западное полушарие. США, ставшие в результате англо-американской войны 1812 г. невольным участником этой системы, должны были определить свое место в ее структуре. С одной стороны, политика невмешательства в дела других стран, провозглашенная Джорджем Вашингтоном и его преемниками, от федералиста Джона Адамса до республиканцев Томаса Джефферсона, Джеймса Мэдисона и Джеймса Монро, отнюдь не утрачивала своей актуальности. С другой стороны, бурные события, развернувшиеся к югу от границ США, и реакция на эти события со стороны европейских держав вольно или невольно вовлекали американцев в орбиту мировой политики. Кроме того, бурный экономический рост страны, начавшийся с окончанием англо-американской войны 1812–1815 гг., требовал осмысления качественно новой геополитической реальности, представшей перед американским обществом на рубеже второго – третьего десятилетий XIX в.

Наиболее ярким проявлением реакции руководства США на революцию в испанских колониальных владениях в Новом Свете явилось ежегодное обращение пятого президента к Конгрессу в декабре 1823 г., внешнеполитическая часть которого вошла в историю как доктрина Монро, или “Принципы 1823 г.” Обосновывая в этом документе свое право на лидерство в западном полушарии, руководство США вместе с тем открыто заявило о своей поддержке “правительств, которые провозгласили свою независимость... и независимость которых мы признали”. Чтобы понять, что стояло за латиноамериканским аспектом доктрины Монро, определившей на многие десятилетия сущность национальных интересов во внешней политике США, следует проанализировать, какие взгляды представителей американского руководства по отношению к их южным соседям превалировали на том или другом отрезке времени – начиная с 80-х годов XVIII в. до середины первой четверти XIX в. Также необходимо выяснить, какие обстоятельства внешнеполитического и внутреннего характера лежали в основе эволюционировавшего в течение длительного периода реакции ответа политической элиты США (речь идет как об “отцах-основателях” Т. Джефферсоне, Дж. Адамсе, Дж. Мэдисоне, так и о деятелях следующего поколения – Дж. Монро, Дж. К. Адамсе, Г. Клее, Дж. Кэлхуне и др.) на национально-освободительное движение в южной части Нового Света, далеко не сразу приведшего к пониманию необходимости установления дипломатических отношений с пятью независимыми латиноамериканскими государствами, а вскоре и к провозглашению принципа общего политического пространства с последними.

Когда до американцев начали доходить слухи о “революции” к югу от их границ, весь южноамериканский континент представлялся как нечто “неизвестное и закрытое для человеческого восприятия”³. С. Бемис так описал представления американцев того времени о Южной Америке: “Смутно различимый экзотический тропический континент, окутанный средневековой тиранией и населенный смесью рас, чуждых англосаксонской культуре”⁴.

С течением времени американцам пришлось с большим вниманием отнестись к этому “огромному по своим масштабам политическому эксперименту, открывающемуся по соседству с нами”, – как писал Джефферсон своему другу и соратнику П.-С. Дюпону де Немуру⁵. В 1786 г. и в США, и при европейских дворах стали известны обстоятельства кровавого мятежа в Перу и волнений в Мексике, которые, по мнению

³ Rippy J.F. *Latin America in World Politics*. New York, 1938, p. 28.

⁴ Bemis S.F. *The Latin America Policy of the United States*. New York, 1943, p. 24.

⁵ *The Works of Thomas Jefferson*. Ed. by P.L. Ford. 12 vols. New York, 1904–1905, v 9, p. 322 (TJ to Dupont de Nemours, 15 Apr. 1815). Далее: *Jefferson Works*.

многих, сводились к “интригам отдельных людей, направленным на то, чтобы отделить Южную Америку от Испании”⁶. Следует сразу же подчеркнуть, что на ранних этапах движения народов Латинской Америки к независимости, в сознании американцев полностью отсутствовали какие бы то ни было аналогии с их собственным стремлением к свободе и демократии. Большинство американцев воспринимало всё происходившее на юге от их страны главным образом с точки зрения собственной безопасности, перспектив территориального расширения и новых экономических возможностей, иными словами, с позиций собственных геополитических интересов, а не идеологической схожести. Пограничные с США регионы Латинской Америки, полагал Джефферсон, “находятся в как нельзя лучших руках (т.е. Испании. – *М.Т.*), пока наш народ не будет готов к приобретению их кусочек за кусочком”⁷. Дело в том, что движение за независимость в Латинской Америке грозило вовлечь США в борьбу европейских держав за южноамериканские территории – перспектива, пугавшая американское руководство. Поэтому ни о какой реальной поддержке инсургентов не могло быть и речи: в интересы США входило прежде всего максимальное отстранение от происходившего по соседству, пока “не настанут времена для расширения нашей коммерции в этом направлении при нашем полном невмешательстве”. И Джон Адамс, и Томас Джефферсон были уверены, что в лучшем случае “только образованные люди на соседнем континенте были готовы к свободе”, в то время как “всё население остается далеко в хвосте дела независимости”. Общее мнение “отцов-основателей” сводилось к тому, что “дело революции”, находясь в руках “неподготовленных к ней людей, приведет к катастрофическим последствиям”⁸.

Некоторые изменения в отношении США к Латинской Америке произошли в 1808 г., когда Наполеон захватил Испанию, сверг Фердинанда VII, что привело к качественно новому этапу политических волнений в южной части Нового Света. В Боготе, Каракасе, Буэнос-Айресе и Сантьяго моментально образовались правительства-хунты, которые заявили о своей независимости от “французского тирана” и “короля-узурпатора” (брата Наполеона Жозефа). И хотя эти движения по своей форме представляли режимы, лояльные низвергнутому испанскому монарху, стало очевидно, что независимость Латинской Америки не за горами.

Быстро происходившие изменения ситуации в Латинской Америке привели к формированию более активной позиции США в делах западного полушария. На заседании администрации в октябре 1808 г. были выработаны первые подходы к перспективе возникновения новых правительств в Латинской Америке. Американским агентам в южном полушарии предписывалось объяснять своим латиноамериканским соседям, насколько целесообразно было бы дистанцироваться всему Новому Свету от европейского влияния. Однако “в случае, если разговор зашел бы об объявлении истинной независимости” как от Франции, так и от Испании, следовало указать, что “в настоящее время мы не можем себе позволить говорить о том, что у нас с вами общее дело... Мы тем не менее уверяем вас в нашем дружеском расположении и твердо уверены, что наши интересы тесно связаны”. Любопытно, что при таком внешне отстраненном, хоть и сочувственном отношении к восставшим, правительство Джефферсона позволяло себе и некоторые угрозы в случае неблагоприятного для США развития событий в этом регионе: Соединенные Штаты воспримут “с большим недовольством”, если эти страны “окажутся под влиянием Франции или Англии, будь то коммерческим или политическим”⁹. Бросается в глаза определенная двойственность в подобной постановке вопроса, которая, с одной стороны, свидетельствовала о росте интереса США к Латин-

⁶ The Papers of Thomas Jefferson. Ed. by J.P. Boyd. Princeton, 1950–. 23 vols. to date, v. 2, p. 343. Далее: Jefferson Papers.

⁷ Ibid., v. 9, p. 218.

⁸ The Works of John Adams (далее – Adams Works). Boston, 1850–1856. 10 vols, v. 8, p. 390; Jefferson Works, v. 4, p. 379; v. 6, p. 206.

⁹ Jefferson Works, v. 9, p. 212.

ской Америке, а с другой – четко определяла границы участия в делах соседних стран, которое могло себе позволить руководство США на том этапе.

Принятый в 1808 г. закон об эмбарго на внешнюю торговлю поставил крест на планах увеличения американского влияния в Латинской Америке и на попытках экономического вытеснения европейских держав с континента. В результате введения эмбарго позиции Великобритании в Южном полушарии только усилились из-за сокращения американской торговли.

Следующий этап в отношениях США и Латинской Америки начался в 1811 г., когда в Вашингтоне стало известно, что Венесуэла провозгласила себя суверенной страной. Президент Дж. Мэдисон отнесся к этому событию с одобрением, заявив, что “до сих пор колонии Южной Америки маскировали свою преданность Фердинанду под независимость... теперь же Венесуэла решила действовать как истинно независимая республика Нового Света”¹⁰. К концу 1811 г. администрация Мэдисона вплотную подошла к признанию Венесуэлы как суверенного государства. В риторике американских политиков начали звучать такие словосочетания, как “наши южные братья”.

Англо-американская война 1812 г. снова оборвала начавшие складываться контакты США с южными соседями. Америка оказалась поглощена собственными неудачами в противостоянии с Великобританией. Однако еще до начала войны на первой сессии двенадцатого Конгресса о себе громко заявили о себе представители нового поколения американских политиков во главе с Г. Клеем и Дж. Кэлхуном, которые, настаивая на объявлении войны Англии, организовали комитет “в защиту независимости Испанской Америки”. В своем ежегодном обращении к Конгрессу Мэдисон обратил особое внимание на “процесс революции, начавшийся на юге нашего полушария”. Члены Конгресса со своей стороны заговорили о “дружественном интересе”, с которым США наблюдали за “установлением независимости в провинциях испанской Америки”¹¹.

После окончания наполеоновских войн ситуация в Старом Свете складывалась для США далеко не лучшим образом. Три монарха-победителя не без успеха “попытались перевести вспять стрелку политических часов”¹². Венский конгресс восстановил на тронах Франции, Испании, Неаполя, Пьемонта и других небольших итальянских государств “легитимных” правителей, а Россия, Австрия и Пруссия объединились в Священный союз, призванный предотвращать все угрозы монархическому миропорядку. Однако революционное движение в Латинской Америке не утихло, ослабленная Испания была не в состоянии удержать свои заокеанские владения в подчинении и была вправе рассчитывать на помощь своих европейских партнеров. Как охарактеризовал ситуацию Р. Мигз, федеральный наблюдатель США в регионе, если революции в Латинской Америке “окажутся успешными, у нас будут хорошие соседи”. Если же монополия Испании на южной части континента сохранится, “у нас будут плохие соседи – иначе быть не может”¹³.

В связи с этим перед руководством США встала дилемма: протянуть руку помощи патриотам Южной Америки или сосредоточиться на своих внутренних проблемах. “Ястребы” во главе с Клеем и Кэлхуном настаивали на том, что американцы “не должны поддаваться влиянию со стороны Старого Света, а стремиться к укреплению безопасности Нового”. В период с 1816 по 1820 г. Клей, спикер Палаты представителей, и Кэлхун, конгрессмен от Южной Каролины¹⁴, неоднократно предлагали увеличить военные рас-

¹⁰ The Writings of James Madison (далее – Madison Writings). New York, 1906, v. 8, p. 171.

¹¹ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, 1797–1897. Washington, D.C., 1896–1899. 10 vols, v. I, p. 494.

¹² The Adams-Jefferson Letters. The Complete Correspondence between Thomas Jefferson and Abigail and John Adams. Chapel Hill, 1988, v. 2, p. 460.

¹³ Цит. по: Lewis J.E. The American Union and the Problem of Neighborhood, 1783–1829. Chapel Hill, 1998, p. 1.

¹⁴ Впоследствии Клей занимал пост госсекретаря в администрации Дж.К. Адамса, а Кэлхун был вице-президентом при шестом и седьмом президентах США – Адамсе и Джеконе.

ходы, заявляя, что “неизвестно, как далеко нам придется пойти, чтобы помочь народам Южной Америки в укреплении их независимости”¹⁵.

В эти годы противостояние между сторонниками и противниками военной помощи, а также дипломатического признания независимых государств Латинской Америки стало играть немалую роль в формировании внешнеполитического курса США. От “отцов-основателей” новое поколение американских политиков унаследовало скептическое отношение к идее поддержки своих южных соседей. Наиболее яркие его представители задавались вопросом: способны ли самопровозглашенные государства установить республиканские институты, ибо только в этом случае можно было говорить о хотя бы отдаленных аналогиях с революционным прошлым самих США? Как первое, так и второе поколение американских политических деятелей настаивала невежественность населения Южной Америки. Если люди там “необразованны, не готовы к самоуправлению, то, скорее всего, результатом будет установление тирании нескольких или вообще одного человека”, – подытоживал Джефферсон точку зрения, которую принимали в расчет всеми его преемниками вплоть до кончины последнего в 1826 г.¹⁶

Отсутствие традиций самоуправления у народов Южного полушария смущало многих американцев не меньше, чем их невежество. Джефферсон, в свое время с энтузиазмом поддержавший переход Франции от абсолютистского правления к представительным институтам власти, был гораздо более осторожен по отношению к Латинской Америке. “Никто не должен сомневаться в моем желании видеть их (латиноамериканцев. – *М.Т.*) и вообще всё человечество, пользующимися принципами самоуправления. Вопрос, тем не менее, не в моих пожеланиях, а в их реальных возможностях”¹⁷. В частном письме Джефферсон даже говорил о предпочтительности “сохранения номинального подчинения Испании” как о “возможном условии поддержания хоть какой-то законности”¹⁸.

Наконец, в глазах многих американцев успех революций в испанской Америке вызывал сомнение потому, что население исповедовало католицизм. “Разве римская религия и свободное правление совместимы друг с другом?” – прямо спрашивал Адамс-старший. В свое время лидеров США не смущала возможность взаимодействия католицизма и свободных институтов в связи с революцией во Франции, однако после Венского конгресса, восстановившего папское государство и орден иезуитов, американцы имели все основания для опасений. “Попы опять принялись за свое, – жаловался Адамс, – протестантов преследуют, и не за горами еще одна Варфоломеевская ночь”. Ему вторил Джефферсон: “Никогда раньше священники и политики так единодушно не стремились к восстановлению тьмы, невежества, предрассудков и деспотизма”¹⁹. Более того, и Джефферсон, и Адамс были убеждены в том, что латиноамериканцы больше, а не меньше европейцев подвержены влиянию отрицательных сторон католичества. Как не без издевки говорил Адамс, они “считают, что спастись суждено только им и испанцам... Даже у самого папы и итальянцев шансов на спасение меньше”²⁰.

Вполне понятно, что сторонники тесных контактов с независимыми государствами Южной Америки возражали против такого предвзятого отношения. Г. Клей, например, выступая в Конгрессе за установление дипломатических отношений с латиноамериканскими республиками, утверждал, что “испано-американцы верят в того же Бога, что и мы... В католицизме нет ничего противоречащего принципам свободы”. Если народы Южной Америки и не пошли “так далеко по пути к религиозной терпимости, то не надо

¹⁵ The Papers of Henry Clay. Ed. by J.F. Hopkins. Lexington, 1959–1973, v. 2, p. 155 (далее: Clay Papers.); Annals of Congress, 14 Cong., 1 ses., p. 724.

¹⁶ Jefferson Works, v. 10, p. 25; v. 9, p. 505 (TJ to De Nemours. 24 Apr. 1817; to Lafayette. 14 May 1817).

¹⁷ Jefferson Works, v. 10, p. 84; Madison Writings, v. 3, p. 392.

¹⁸ Jefferson Works, v. 8, p. 108.

¹⁹ The Adams-Jefferson Letters, v. 2, p. 456–457, 462.

²⁰ Adams Works, v. 10, p. 144 (Adams to Lloyd, 27 March, 1815).

забывать о разнице в условиях, в которых они до сих пор жили. В очень скором времени они будут стараться быть похожими на нас”, – утверждал Клей²¹.

Разница во взглядах между сторонниками дипломатического признания независимых государств и их противниками во многом обуславливалась опасениями возможной реакции европейских держав на активную позицию США по отношению к их южным соседям. Клей и его последователи в Конгрессе опасались, что члены Священного союза, чьи “представления о легитимности новых правительств могут простираются до пределов, разрушительных для принципов свободы”, захотят прийти на помощь Испании и снова подчинить Латинскую Америку. В таком случае, настаивал Клей, “помощь соседям-патриотам была бы наилучшей для нас политикой”²². Один из оппонентов Клея, лидер “старых республиканцев” Дж. Рэндольф, напротив, выступал против того, чтобы США устраивали “крестовый поход в защиту Южной Америки”. Кроме того, он был убежден, что “эта борьба в Южной Америке обернется в конечном итоге тем же, чем обернулась свобода во Франции – отвратительным деспотизмом”²³. Адамс и Джефферсон, придерживаясь политики невмешательства в латиноамериканские дела, призывали проявлять “сочувствие и дружеское расположение по отношению к патриотам”, воздерживаясь при этом не только от военного вмешательства, но и продажи оружия повстанцам²⁴. Дж. К. Адамс, занимавший после англо-американской войны пост посла США в Великобритании, также предостерегал от каких бы то ни было действий в поддержку латиноамериканцев, аргументируя свои опасения тем, что не только Испания, но и Великобритания воспримут любые активные действия со стороны Америки как враждебные и что США “неминуемо вовлекут себя в новую войну” с Англией²⁵.

Дж. Мэдисон в последние месяцы своего президентства как никогда старался придерживаться политики строгого нейтралитета при обсуждении вопросов, связанных с взаимоотношениями Испании и ее колоний. Он предложил на рассмотрение Конгресса ряд законопроектов, позволявших американским таможенникам с большей строгостью относиться ко всем судам, направляющимся в Испанскую Америку. По предложению президента Комитет по иностранным делам представил на рассмотрение Конгресса “билль, запрещающий жителям Соединенных Штатов продавать боевые корабли гражданам или подданным любого другого государства, а также препятствующий вооружению и оборудованию кораблей, находящихся в портах Соединенных Штатов, с целью их использования против государств, состоящих в дружбе с Соединенными Штатами”²⁶.

С решительной критикой законопроектов выступил спикер Клей, утверждавший, что “под угрозой находится свобода, счастье и независимость целого народа – нашего соседа, стремящегося последовать нашему примеру”. Строго говоря, Клей ни в коей мере не ставил под вопрос уместность политики нейтралитета как таковой. Его аргументация сводилась к тому, что новое законодательство, будь оно воплощено в жизнь, на деле отражало бы реальную поддержку метрополии. С его точки зрения, политика администрации по отношению к испанским колониям, являлась нейтральной только на словах, на деле же она означала очевидное предпочтение интересам Испании. Его поддержали конгрессмены Г. Гровнор, Э. Рут и С. Шарп. “Разве мы можем оставаться сторонними наблюдателями в борьбе наших соседей за независимость?! Разве в этом

²¹ Clay Papers, v. 2, p. 522.

²² Annals of Congress, 14 Cong., 1 sess., p. 790 (29 Jan. 1816).

²³ Ibid., p. 728.

²⁴ Jefferson Works, v. 10, p. 19 (TJ to Monroe. 4 Feb, 1816); The Adams-Jefferson Letters, v. 2, p. 462.

²⁵ The Writings of John Quincy Adams (далее: JQA Writings). New York, 1913–1917. 7 vols, v. 5, p. 487. 504; v. 6, p. 45.

²⁶ Цит. по: A Compilation. ..., v. 1, p. 582. Более подробно о дебатах в Конгрессе см.: Whitaker A.H. The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore, 1941.

противостоянии мы можем принять закон, способствующий подчинению Испании?” – возмущались они²⁷.

Клей и его единомышленники в Конгрессе настаивали на увеличении расходов на оборону на том основании, что было “неизвестно, как далеко нам придется пойти, чтобы помочь народам Южной Америки установить их независимость”²⁸.

В ходе долгих дискуссий в Конгрессе по латиноамериканской проблематике неоднократно звучали напоминания о неудачном эксперименте Франции с “республиканскими институтами”. Дж. Кэлхун утверждал, что “существует минимальная аналогия между нашим правительством и любым другим... Наше правительство базируется на правах человека..., на нем никогда не было и тени феодализма”. Д. Шеффи из Виргинии настаивал на том, что проявление теплых чувств по отношению к южноамериканцам “сделает честь нашему сердцу, но не делает чести нашему разуму”²⁹. Так или иначе, закон о невмешательстве во взаимоотношения Испании с ее бывшими колониями прошел в палате представителей при перевесе в 20 голосов и был подписан Мэдисоном в последний день его президентства.

Начало президентства Дж. Монро весной 1817 г. несколько не изменило существа дискуссии в американском правительстве и обществе относительно того, как следовало США вести себя по отношению к латиноамериканским революционерам. С одной стороны, в газетах, памфлетах и на всякого рода собраниях и митингах всё чаще высказывались требования оказать поддержку патриотам³⁰. С другой стороны, как в исполнительной, так и в законодательной ветвях власти укреплялось мнение, что главная задача США – оставаться нейтральными в противостоянии Испании с ее владениями в Новом Свете. При этом вопрос о том, что должна представлять собой политика нейтралитета в сложившемся контексте, а также проблема дипломатического признания новых государств доминировала в противостоянии между спикером Палаты представителей Клеем и новым госсекретарем Адамсом. Собственно говоря, спор сводился к тому, могут ли США как нейтральное государство признать независимые республики. Монро же на протяжении всего первого срока своего президентства не принимал сторону ни Клея, ни Адамса, тем самым подогревая страсти вокруг их конфликта.

Адамс был убежден, что в вопросе взаимоотношений с Латинской Америкой следует руководствоваться исключительно интересами государственной безопасности США. Госсекретарь не сомневался в том, что только если пришедшие к власти силы в южной части Нового Света смогут стать республиканскими по форме, независимыми от Европы в своей внешней политике и будут представлять для Америки интерес с торгово-экономической точки зрения, правительству США следует признать их независимость. Скептицизм Адамса относительно положительных для США перспектив развития новых государств основывался на убеждении, что многорасовое католическое население этих стран, привыкшее жить под “тираническим” гнетом Испании и не имевшее никаких навыков самоуправления, не способно стать достойным и выгодным в экономическом и политическом плане соседом США. Адамс снова и снова настаивал на том, что не в интересах Америки ввязываться в распри между Испанией и ее латиноамериканскими владениями: “Это было бы для нас так же губительно, как и вмешательство в европейскую политику”³¹.

Ему было далеко не так просто отстаивать свои позиции не только в противоборстве с Клеем, но и во время дискуссий между членами администрации. Показателен следующий эпизод. В 1820 г. в Вашингтон прибыл колумбиец М. Торрес с заданием

²⁷ Annals of Congress. 14 Cong., 1 sess., p. 730 (Grosvenor); выступления Рута и Шарпа см.: *ibid.*, p. 721–722, 735.

²⁸ *Ibid.*, p. 724.

²⁹ Papers of John Calhoun. Columbia, 1959, v. 1, p. 313.

³⁰ Более подробно см.: *Whitaker A.H.* Op. cit., p. 141–188.

³¹ Цит. по: *The Diplomatic Correspondence Concerning the Independence of the Latin American Nations.* New York, 1922, v. I, p. 107.

закупить у США оружие. На заседании кабинета, собранного в этой связи, Дж. Кэлхун, занявший пост военного министра в новой администрации, министр военно-морского флота С. Томпсон и министр финансов У. Кроуфорд были склонны пойти на эту сделку. Госсекретарю пришлось использовать всё свое красноречие, чтобы убедить коллег, что продажа оружия патриотам перечеркнула бы политику нейтралитета, которой твердо придерживались США. “Для нас чрезвычайно важно безукоризненно придерживаться этой политики... Для нас не должно существовать никаких соблазнов для того, чтобы хоть на шаг отступить от нее... Иначе мы никогда не отмоем наши кровью залитые руки”, – говорил он³². В итоге аргументация Адамса всё-таки возымела действие.

Прислушался Монро к госсекретарю и тогда, когда тот выступил против одного из первых предложений Великобритании, поступившего в 1819 г., объединить усилия для противостояния Испании³³. Адамс настоял на том, чтобы, действуя в согласии с Лондоном, “не забывать напоминать ему, что мы ведем себя совершенно независимо”³⁴.

Создается впечатление, что Адамс в интересах своей страны предпочел бы иметь дело не с новыми, независимыми от метрополии государствами, а со слабеющей Испанией, ибо сохранение status quo в западном полушарии в большей степени гарантировало бы сохранение политического присутствия США в регионе. Если бы США признали распад испанской империи в Южной Америке как свершившийся факт, полагал он, то это развязало бы руки державам Священного союза и Великобритании в их стремлении расширить свое влияние в ущерб американскому. В письме своему отцу от 21 декабря 1817 г. госсекретарь заключил, что внутренняя нестабильность на юге от США, неясные намерения лидеров патриотов “представляют для нас весьма неприятные и опасные перспективы”³⁵. Таким образом, в глазах Адамса установление официальных контактов с латиноамериканскими республиками на этапе первого срока президентства Монро казалось преждевременным.

Позиция Г. Клея по проблемам взаимоотношений США с независимыми государствами Латинской Америки в конце второго десятилетия XIX в. была сформулирована в речи о “нейтралитете по отношению к Испанской Америке” (3 декабря 1817 г.), в двухдневной “речи о признании” (24–25 марта 1818 г.) и “резолуциях о независимости Южной Америки” (10 мая 1820 г.)³⁶. В этих выступлениях можно выделить три сюжета: идейно-политические причины и последствия официального признания новых государств для США, экономические выгоды этого признания и перспективы взаимоотношений США с европейскими государствами.

Клей исходил из того, что “те годы, которые прошли с начала революции в Испанской Америке, уже привели к значительным сдвигам” в сознании латиноамериканских патриотов. Будущий госсекретарь убеждал соотечественников, что молодые республики будут “следовать законам Нового Света, частью которого они являются, и противопоставлять себя законам Европы”. Граждане США просто обязаны поддержать своих южных соседей, настаивал Клей, ибо и те, и другие “являются братьями и имеют общее происхождение... Они уже восприняли наши принципы, переняли наши институты и сам наш революционный язык”³⁷. Однако не только идеологические, но и экономические причины, по мнению Клея, должны были подвигнуть правительство США на оказание помощи и признание независимости новых государств. Собственно говоря, с

³² Memoirs of John Quincy Adams (JQA Memoirs). Philadelphia, 1874–1877, v. 5, p. 46–47.

³³ Наиболее известно третье предложение Каннинга скоординировать действия против Испании, поступившее во второй половине 1823 г. и во многом катализировавшее провозглашение доктрины Монро.

³⁴ JQA Memoirs, v. 4, p. 207 (Diary Entry. 2 Jan., 1819).

³⁵ JQA Writings, v. 6, p. 281.

³⁶ Благодаря выдающимся ораторским данным Клей был прозван современниками “Гортензиум от Запада” в честь римского политического деятеля и оратора Квинта Гортензия Гортала (114–50 гг. до н.э.).

³⁷ Clay Papers, v. 2, p. 520, 529–530, 526, 552–553.

точки зрения спикера, не столько природа правительств “этих государств, сколько сама их независимость должна соответствовать первостепенным интересам Соединенных Штатов”. Прежде всего освобождение от “оков деспотизма” бывших колоний сможет принести существенную выгоду западным регионам США. Американские фермеры и плантаторы смогут рассчитывать на более благоприятные условия в приобретении новых территорий при взаимодействии с бывшими колониями, чем с метрополией. Кроме того, купцы Новой Англии, по расчетам Клея, получают большую выгоду не только в виде новых рынков в Латинской Америке, но и в результате более свободного доступа к “золоту и серебру в индейской торговле”. Новые рынки обеспечат стабильный доход американским торговцам даже в случае европейской войны. При этом Клей убеждал членов палаты представителей, что Южная Америка не станет конкурентом США, так как латиноамериканцы экспортируют не хлопок и табак, а товары, не являвшиеся предметом торговли американских купцов – какао, кофе, драгоценные металлы. Перспективы экономического развития независимых государств откроют для США возможности, “которые пока даже трудно себе представить”³⁸. В целом независимая Испанская Америка представлялась Клею как ценное “приобретение” с коммерческой точки зрения³⁹.

Как уже говорилось, одной из главных причин, мешавших администрации Монро признать новые независимые государства, был страх перед возможными осложнениями для США на международной арене. Прежде всего, в Белом доме всерьез опасались вовлечения Америки в прямой военный конфликт с державами Священного союза, которые могли бы вступить за метрополию, отстаивая принципы “легитимности”, провозглашенные на Венском конгрессе. Клей решительно отметал эти опасения.

Спикер палаты был убежден, что возможности Испании, стран – участниц Священного союза и Великобритании в конце концов заставят их “согласиться” с позицией США. Проше говоря, Испания “не начнет против нас войну просто потому, что она не в состоянии это сделать”, – настаивал он. Клей ссылаясь на оказавшиеся в его распоряжении документы испанского правительства, в которых говорилось, что казна метрополии истощена до предела. Таким образом, начало военных действий со стороны Испании стало бы для нее просто губительно. При этом и Священному союзу было бы не под силу оказывать Испании военную помощь. Клей утверждал, что европейские монархии не поддержат Испанию даже в случае испано-американской войны, не говоря уже о простом признании США свершившегося обретения независимости. Что касается перспективы начала войны со стороны Великобритании, то, по мнению Клея, было бы невероятно, чтобы она пошла на военный конфликт “с целым полушарием”, торговля с которым представляла гораздо больший интерес и важность, чем торговля со всеми остальными странами. Подводя итоги прогноза “наиболее вероятного поведения Европы”, Клей заявлял, что установление официальных отношений с патриотическими правительствами новых независимых государств даже в минимальной степени не подвергнет опасности благополучие США⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что принципиальное противостояние между Адамсом и Клеем касалось прежде всего вопросов внешней политики. В области внутренней политики оба были сторонниками так называемой “американской системы”, предусматривавшей расширение функций федерального правительства, оба поддержали открытие в 1816 г. Второго банка США, введение в том же году протекционистского тарифа и создание системы внутренних улучшений⁴¹. Ставшие соперниками во время выборов на пост

³⁸ Ibid., p. 517, 552, 555.

³⁹ Ibid., p. 548.

⁴⁰ Ibid., p. 530–532, 535, 536, 514.

⁴¹ Автором “американской системы” считается Г. Клей, и ее положения были активно поддержаны не только всеми членами администрации Монро, но и подавляющим большинством политиков поколения “военных ястребов”. Немногочисленными идеологическими противниками “американской системы” оставались “старые республиканцы” во главе с Дж. Рэндольфом.

главы государства в 1824 г., Адамс и Клей тем не менее плодотворно работали рука об руку в течение четырех лет президентства Адамса.

Зато внешнеполитический аспект “американской системы” представлялся Клею следующим образом: “Мы станем центром системы, которая будет представлять собой объединяющую силу человеческой свободы в борьбе против деспотизма Старого Света”. Ему казалось “желательным, чтобы между двумя Америками был создан противовес Священному союзу... чтобы мы вместе представляли собой прибежище для всех свободолюбивых людей”⁴². С такой трактовкой “американской системы” был не согласен не только госсекретарь. «Что такое “американская система”? Почему мы должны противопоставлять себя Старому Свету, если его жители не имеют ничего против [своего образа жизни]», – вопрошал конгрессмен из Кентукки Д. Тримбл⁴³. Другие оппоненты спикера тоже были убеждены, что участие в “крестовом походе” против “деспотизма противоречит республиканским принципам, на которых основывается вся государственная система” США. “Вся Европа только и занималась разного рода крестовыми походами на протяжении веков”, – считал редактор журнала “North American Review” Дж. Спарк. В одном из номеров того же журнала Э. Эверетт писал по поводу перспектив создания какого-либо альянса с южными соседями: “Мы и латиноамериканцы – совершенно разные люди... у нас с ними разные корни”. По поводу “американской системы” госсекретарь считал, что она давно существует: “Мы сами ею и являемся... У нас нет ничего общего с Южной Америкой”⁴⁴.

Что касается точки зрения президента относительно того, как следует вести себя по отношению к латиноамериканцам, то его как главу государства, по всей видимости, больше беспокоили международные последствия проявления солидарности с революционерами. Как резонно заметил Клей, президент “искренне желает успеха их (патриотов. – *М.Т.*) делу”, но при этом “опасается возможной враждебной реакции со стороны европейских держав”⁴⁵. Продолжая занимать промежуточную по отношению к точкам зрения Клея и Адамса позицию, Монро в течение первого срока своего президентства предпочел действовать “в согласии с союзниками” – членами Священного союза и отложить признание новых государств, пока им не удастся заручиться поддержкой со стороны европейских держав.

Обнародование позиции правительства США по латиноамериканской проблеме было предпринято государственным секретарем в речи, произнесенной в Вашингтоне 4 июля 1821 г. по случаю 45-й годовщины провозглашения независимости⁴⁶. Наряду с традиционными в связи с подобными случаями восхвалениями “свободолюбивого народа Соединенных Штатов” и нападками на “тиранические акты подавления” религиозных и гражданских свобод со стороны Великобритании в течение колониального периода американской истории, Адамс критически отнесся к мнению многих соотечественников о том, что “дух 76-го” может быть экспортирован в другие страны – в Грецию или Южную Америку, например. Вмешательство в дела других государств – даже на стороне справедливого дела – вступит в противоречие с особым положением США на международной арене. Применение силы будет оправдано лишь в том случае, если под

⁴² Clay Papers, v. 2, p. 856–857; v. 3, p. 80.

⁴³ Цит. по: Abridgements of the Debates in Congress, from 1789 to 1856. New York, 1857–1861. 16 vols, v. 7, p. 298–299.

⁴⁴ North American Review. 1821, No 3, p. 433–435; North American Review. No 18 (1822), p. 417; JQA Memoirs, v. 5, p. 176.

⁴⁵ Clay Papers. Supplement, p. 64 (HC to W. Lewis. 25 Jan. 1818).

⁴⁶ Сам Адамс назвал это выступление “ответом Эдинбургу и Лексингтону”, в первом случае имея в виду ответ помещенному в газете “The Edinburgh Review” призыву к США стать активными членами европейской политики и присоединиться к “делу свободы”, пропагандировавшемуся Англией, в противостоянии странам Священного союза. Под Лексингтоном подразумевалась речь Клея, произнесенная в его родном городе и содержавшая очередной призыв поддержать латиноамериканские государства, что, по мнению спикера, было бы проявлением “противодействия Священному союзу”. См.: Whitaker A.H. Op. cit., p. 356.

угрозой окажутся права и безопасность самих Соединенных Штатов Америки. Однако американская республика “не пойдет за пределы своей территории в поисках чудовищ, которых надо уничтожить... Ей хорошо известно, что, становясь под чужие знамена, даже если это знамена чужой независимости, она помимо собственной воли ввергнет себя в пучину войн за чужие интересы и в пользу чужих интриг, прикрывающихся понятиями и цветами свободы... Со временем она превратится в диктатора всего мира” (курсив мой)⁴⁷. В этой речи, которую Л. Парсонс считает самой важной во всей политической биографии шестого президента, прослеживается распространение принципов невмешательства в дела других государств и отказа от “связывающих союзов” на взаимоотношения со странами западного полушария, провозглашенных Дж. Вашингтоном в 1796 г. и Т. Джефферсоном в 1801 г. Речь от 4 июля 1821 г. предопределила наряду с доктриной Монро политику США по отношению к внешнему миру почти на век вперед: народы, борющиеся за свою свободу и независимость, могут ожидать проявления сочувствия со стороны Соединенных Штатов Америки, но не должны рассчитывать на их прямое вмешательство, тем более военную помощь. Любопытно, что если А.П. Уитакер воспринимал речь Адамса как объявление о готовности со стороны США пойти на скорое установление отношений с новыми государствами, то Дж. Льюис расценивает обращение госсекретаря как “оставлявшее мало шансов на дипломатическое признание латиноамериканских государств в ближайшем будущем”⁴⁸.

Долгое время существенным, если не сказать наиболее важным препятствием для установления официальных отношений между республиками Нового Света многими американскими историками считались трудности, возникшие в ходе заключения американо-испанского договора, известного как договор Адамса – Ониса⁴⁹. Не вдаваясь в перипетии подписания этого соглашения, следует указать, что в центре его находилась проблема определения четких границ между США и испанскими владениями в Новом Свете, а также уточнение статуса аннексированных США испанских территорий. Договор после преодоления многих препятствий был заключен в конце января 1819 г., однако события в Испании⁵⁰ не позволяли Мадриду ратифицировать соглашение в течение двух лет. Несомненно, нежелание американского правительства обострять отношения с Испанией до завершения этих переговоров являлось важной, однако, на наш взгляд, далеко не единственной преградой для того, чтобы администрация Монро могла пойти на независимые от обстоятельств действия в отношениях с государствами Южной Америки.

Так или иначе, положение вещей изменилось на рубеже 1821–1822 гг. Именно тогда в Вашингтон начали поступать письма и донесения от доверенных лиц администрации Монро об обстановке в Латинской Америке. В них говорилось о крайне нестабильной политической и экономической ситуации в бывших испанских колониях и о циркулировавших там слухах о возможном вмешательстве европейских держав в дела южной части Нового Света. Большинство авторов направлявшихся в Вашингтон депеш полагали, что установление контактов между США и новыми государствами на уровне глав правительств могло бы предотвратить “европеизацию” и “монархизацию” новых государств. В поступавших в госдепартамент сообщениях говорилось о желании Буэнос-Айреса установить “ограниченную монархию” или “британский протекторат”, что представитель Колумбии в одной из стран Старого Света говорил о готовности своей страны “броситься в объятия европейских держав” и что последние собирают-

⁴⁷ Речь Адамса была опубликована во многих американских газетах (см., например: National Intelligencer. July 10, 1821; Richmond Enquirer. July 17, 1821; National Gazette. July 14, 1821), а также вышла отдельным памфлетом в Вашингтоне в издательстве Davis and Force.

⁴⁸ Whitaker A.H. Op. cit., p. 344–369; Lewis J. Op. cit., p. 159.

⁴⁹ См., например, Ammon H. James Monroe. The Quest for national Identity. Charlottesville – London, 1971, p. 433–434; Bailey T.A. A Diplomatic History of the American People. New York, 1940, p. 173–176; Bemis S.F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. New York, 1973, p. 341–362; Parsons L.H. John Quincy Adams. Madison, 1998, p. 146–152.

⁵⁰ Речь идет о кризисе королевского режима в Испании, переросшим в революцию 1820 г.

ся использовать правительство Мексики для “укрепления позиций Священного союза в Новом Свете”⁵¹.

Понятно, что ни Монро, ни Адамс не могли не прислушаться к мнению своих доверенных лиц. Решающую роль в достаточно быстрой и – на первый взгляд – неожиданной перемене позиции администрации по латиноамериканской проблеме, похоже, сыграло обращение упоминавшегося выше М. Торреса с просьбой об установлении официальных дипломатических отношений с бывшими испанскими колониями. По мнению Торреса, признание независимых государств могло бы во многом стабилизировать обстановку в Новом Свете. Кроуфорд и Кэлхун сразу же призвали коллег ответить согласием на просьбы Торреса, дабы “предотвратить установление монархических правительств” в независимых государствах. Адамс и Монро, в целом соглашаясь с Кроуфордом и Кэлхуном, сочли необходимым сначала подготовить к признанию членов Конгресса и общественное мнение страны⁵².

После многочисленных заседаний администрации в течение первых двух месяцев 1822 г., на которых обсуждалось не только положение вещей, но и то, как выигрышно представить позицию США перед европейскими державами и наиболее эффективно провести процедуру дипломатического признания латиноамериканских государств в Конгрессе, 8 марта 1822 г. президент Монро выступил перед обеими палатами с заявлением о том, что США готовы установить дипломатические отношения с правительствами Ла-Платы⁵³, Чили, Перу, Колумбии и Мексики. Спустя три недели, 28 марта 1822 г., Палата представителей проголосовала абсолютным большинством голосов (167 против 1) за предложение президента.

За видимой гладкостью проведения признания через Конгресс стояла кропотливая работа госсекретаря. Еще в конце января в палате представителей были выдвинуты две резолюции, касавшиеся Испанской Америки. В первой, предложенной виргинцем Х. Нельсоном, запрашивались сведения о положении дел в регионе. Автор второй, кентуккиец Д. Тримбл, совсем недавно сомневавшийся в необходимости активных действий в поддержку латиноамериканских патриотов, требовал безотлагательного признания. Через две недели Адамс и Кроуфорд выступили перед сенатским Комитетом по иностранным делам, и в соответствии с инструкциями президента доложили членам комитета, что “проблема признания рассматривается”, не углубляясь в детали. Спустя еще несколько дней Монро и Адамс предоставили информацию для отчета Дж. Рассела, главы Комитета по иностранным делам Палаты представителей перед ее членами, в котором говорилось, что процедура признания будет инициироваться и регулироваться исполнительной властью и что именно президент и госсекретарь будут определять “количество направляемых миссий, их уровень и время назначения”⁵⁴.

Одновременно члены администрации обсуждали возможную реакцию европейских стран на такой шаг. В частности, размышляли, стоит ли в обращении к Конгрессу упоминать о “вероятности войны с Испанией”. В конце концов было решено “ничего не говорить о возможном конфликте”. Члены ближнего круга президента отвергли его предложение отправить специальное послание Конгрессу под грифом “секретно”, а также сочли неуместным говорить в нем о “критическом состоянии международных и наших дел”, требующем незамедлительных шагов со стороны правительства США⁵⁵.

⁵¹ Цит. по: *Lewis J. Op. cit.*, p. 164–166.

⁵² См.: *ibid.*, p. 167.

⁵³ Полное название страны – Соединенные Провинции Рио-де-ла-Плата, нынешняя Аргентина. В литературе (как зарубежной, так и отечественной) обычно употребляется сокращенное название.

⁵⁴ Дж. Рассел был активным сторонником Адамса со времен их совместной работы на переговорах в Генте, завершивших англо-американскую войну 1812 г. О резолюциях и о докладе Рассела см.: *Annals of Congress*, 17 Cong., 1 sess., p. 825, 854; 1530, 432.

⁵⁵ *Lewis J. Op. cit.*, p. 168. Сведения о перипетиях встреч членов администрации Монро почерпнуты Льюисом из неопубликованных бумаг Адамса.

Своими опасениями возможных последствий признания латиноамериканских государств со стороны европейских держав президент поделился в частном письме Расселу. Как писал Монро, есть “все основания полагать”, что европейские страны “будут возмущены этой мерой (установлением отношений. – *М.Т.*), особенно ее *легитимностью*” (курсив Монро). При этом президент признавал, что пытаться консультироваться с европейскими дворами до обращения к Конгрессу противоречило бы не только престижу, но и практическим интересам США⁵⁶. Не вызывает сомнения, что несмотря на все опасения членов администрации относительно последствий их смелого шага, они сознательно шли на риск: прокламация о признании независимых государств была призвана дать возможность США захватить инициативу в налаживании отношений с Латинской Америкой в свои руки. Также очевидно, что правительство Монро и в 1822 г., и полугода годами позже, провозглашая “Принципы 1823 г.”, основательно или безосновательно, не исключало весьма негативных последствий своих действий со стороны Европы.

В начале апреля госсекретарь Адамс проинформировал испанского посланника о том, что “Соединенные Штаты последовали чувству долга высшего порядка, признав независимыми государствами страны, которые целенаправленно добивались права называться таковыми... несмотря на все сопротивление, которое только могло быть им оказано”⁵⁷.

Решение установить дипломатические отношения с южными соседями соседствовало с давно укоренившимися опасениями относительно возможной негативной реакции со стороны стран Старого Света, причем не только Испании, но и других, гораздо более могущественных европейских монархий. Свои беспокойства по этому поводу президент Монро выразил в письме одному из своих предшественников следующим образом: “Опасностью чревато как стояние на месте, так и движение вперед... Однако последнее лучше соответствует либеральному и великодушному духу нашей страны, чем первое”⁵⁸. Мэдисон в этой связи поддержал как само решение президента, так и время его принятия, написав Монро, что США с самого начала революции в Латинской Америке не скрывали своей поддержки дела патриотов и “рассматривали враждующие стороны как находящиеся в состоянии гражданской войны, а не неповиновения”. При этом, по мнению Мэдисона, момент для официального признания был выбран безукоризненно, ибо “многие независимые государства уже проявили свою самостоятельность и зрелость, а также способность заразить своим независимым духом” и другие страны⁵⁹.

При этом многие действующие политики США, в первую очередь Клей, сокрушались, что решение об установлении официальных контактов с южными соседями пришло слишком поздно и сопровождалось рядом упущений. Действительно, при анализе самого текста обращения Монро к Конгрессу по этому поводу отчетливо ощущается та дистанция, которую президент хотел сохранить во взаимоотношениях со своими южными соседями. Предлагая признать независимость Ла-Платы, Колумбии, Чили, Перу и Мексики, глава американского государства ни разу не сослался на “общее дело”, связывавшее север и юг континента, если не считать слов о том, что “революционное движение в Испанских провинциях с самого начала возбуждало поддержку наших граждан”. С большой долей сдержанности американский президент отметил, что “эти провинции являются нашими соседями” и достойны признания на том основании, что они обрели независимость от метрополии⁶⁰. Несомненно, что спокойная манера послания была во многом нацелена на то, чтобы не провоцировать слишком острой реакции

⁵⁶ The Writings of James Monroe (далее: Monroe Writings). New York, 1898–1903. 7 vols. v. 6, p. 211–212.

⁵⁷ Цит. по: *Griffin C.C.* The United States and the Disruption of the Spanish Empire. New York, 1937, p. 268–270.

⁵⁸ Monroe Writings, v. 6, p. 213.

⁵⁹ Madison Writings, v. 6, p.209 (Madison to Monroe, 6 May, 1822).

⁶⁰ Monroe Writings. v. 6, p. 209.

со стороны монархий Европы. Не спешил Монро и с полагавшимся назначением своих официальных эмиссаров в латиноамериканские республики. “У меня есть сомнения, будет ли политичным придавать большое значение признанию, пока мы не увидим, какое впечатление оно произвело на державы Европы”. Не ополчится ли Священный союз на Южную Америку и на США и не поступит ли он так же, как поступил с Неаполем и Пьемонтом? А если Европейские державы решат, что назначая своих официальных представителей, “мы стремимся объединить новые правительства против Европы?”. Не принесет ли излишняя поспешность в установлении официальных контактов с латиноамериканскими республиками “больше вреда, чем пользы и им, и нам?” – размышлял Монро в частной переписке. Рассудительный госсекретарь Адамс посоветовал не направлять в южноамериканские столицы американских посланников, пока в Вашингтон не придут консулы из новых независимых государств⁶¹.

Сдержанности во взаимоотношениях с южными соседями способствовала и ситуация, складывавшаяся в регионе⁶². Завоевавшие свободу латиноамериканские государства по своему характеру не соответствовали представлению о свободе, распространенному в США. В Мексике А. Итурбиде пришел к власти и провозгласил себя императором Агустином I. В Перу Сан-Мартин проявлял похожие “роялистские наклонности”, а в Венесуэле С. Боливар, по мнению Дж.К. Адамса, “больше воспринимался как воинственный генерал, чем как президент”. В Чили личность О’Хиггинса также больше соответствовала образу военного диктатора, а в Аргентине, стране, по поводу истинной независимости которой США питали такие искренние надежды, царил полный политический хаос. “Недопустимые раздоры, кровавые гражданские войны и отвратительные экзекуции..., самовольные заключения под стражу, подавленная и покорная пресса и полное уничтожение какой бы то ни было свободы и гражданских прав”, – такой представлялась ситуация на юге континента госсекретарю⁶³.

Примечательно, что в 1821 г., еще до признания независимых латиноамериканских государств, президент Монро проявлял по поводу их будущего гораздо больший оптимизм, надеясь, что Южная Америка, “наконец, определится в соответствии с республиканской формой правления”. Однако к 1823 г., наблюдая приход к власти Итурбиде и других военных деятелей, Монро заметил по поводу южноамериканцев, что “этому народу придется преодолеть множество препятствий для того, чтобы достичь устойчивого (firm) правительства на республиканской основе”. Президент снова с сожалением отметил, что “величайшим недостатком” жителей Южной Америки было “невежество, в результате которого они оказываются в руках военных авантюристов и клириков, которые являются инструментами их разрушения... Однако с течением времени, после внутренних конвульсий и под влиянием нашего примера они постепенно созреют до того состояния, когда мы сможем на них полагаться”⁶⁴.

В связи с теми настроениями, которые царили в политической элите США, неудивительна та атмосфера, в которой обсуждались кандидатуры возможных посланников США в латиноамериканские столицы. Члены администрации Монро отнюдь не были преисполнены чувства глубокой ответственности за выбор людей, который им предстояло сделать, дабы положить начало наиболее плодотворным контактам с “братьями по духу” в Латинской Америке, а речи об оформлении какого-либо официального альянса вообще не шло. На фоне жёстких дебатов, незадолго до того закончившихся Миссурийским компромиссом, президент видел свою задачу в том, чтобы смягчить

⁶¹ Ibid., p. 211 (12 March, 1822). По поводу мнения Адамса см.: The Diary of John Quincy Adams, 1794–1845 (JQA Diary). New York, 1929, p. 277.

⁶² Из недавно вышедших отечественных работ, посвященных этому периоду истории Латинской Америки см., например: Посконина О.И. История Латинской Америки (до XIX века). М., 2005, с. 129–156.

⁶³ JQA Writings, v. 7, p. 315 (Adams to Monroe, 5 October, 1822); p. 426 (Adams to Rodney, 17 May, 1823).

⁶⁴ Monroe Writings, v. 6, p. 317 (Monroe to Jefferson, 18 August, 1823).

внутриполитическую ситуацию, назначая в Латинскую Америку “по представителю от каждой из четырех великих частей нашей страны”. Однако сделать это было не так просто. Так, например, когда Клея предложили на пост посланника в Колумбию как представителя Запада, Дж.К. Адамс резко возразил, мотивируя свою позицию тем, что “взгляды Клея по латиноамериканским вопросам не внушают ему доверия” и что в них “прослеживается тенденция вовлечь нас” в слишком тесные взаимоотношения с южноамериканцами. При этом он предложил кандидатуру своего главного соперника на приближавшихся президентских выборах 1824 г. – генерала Э. Джексона – на пост посланника в Мексику, стремясь таким образом отстранить опасного конкурента от активной политической деятельности. На этот раз воспротивился сам Монро, выразив опасение, что “взрывной характер” героя англо-американской войны 1812 г. и его привычка отзыватьсь о жителях южной части континента как о “недоносках” (half-breeds) “могут вовлечь нас в какой-нибудь скандал”⁶⁵. Спорам положил конец отказ обоих политиков проследовать в Латинскую Америку. Их больше интересовали предстоявшие выборы, и отправляться в дипломатическую “ссылку” они не собирались.

Таким образом, можно утверждать, что установление официальных контактов между США и латиноамериканскими государствами было продиктовано не только симпатией “к делу свободы”, которое народы южной части полушария якобы исповедовали. Было бы также необоснованно утверждать, как это делают большинство американских историков, что проволочки с ратификацией Трансконтинентального договора со стороны Испании служили основным – если не единственным – препятствием для официального признания Вашингтоном южноамериканских республик. На наш взгляд, следует учитывать гораздо более широкий спектр внешне- и внутриполитических обстоятельств, с которыми не могла не считаться администрация Монро.

В результате распада испанской колониальной империи США столкнулись с появлением по соседству неподконтрольных их воле пяти независимых государств. Их будущее представлялось американскому руководству двояким: либо новые государства подпадут под сильное влияние европейских держав, что было совершенно неприемлемо для США, либо они будут развиваться как подлинно суверенные государства. В этой ситуации администрация Монро приняла решение как можно скорее занять образовавшуюся геополитическую нишу, несмотря на риск навлечь на себя недовольство со стороны стран – участниц Священного союза. Правительство Монро рекомендовало своим южным соседям укреплять республиканские институты, принципы свободной торговли и максимально дистанцироваться от европейской системы союзов⁶⁶. Госсекретарь Адамс не сомневался, что в интересах “наших сестер-республик на южном континенте” будет их дальнейшее развитие “на основе тех же принципов, что и наша конфедеративная республика”⁶⁷. Таким образом, уже на этапе признания независимости латиноамериканских республик, США очертили сферу своих интересов, предприняв попытку преградить странам Старого Света путь к проникновению в Западное полушарие по мере того, как там сокращалось испанское присутствие.

Когда во второй половине 1823 г. до Вашингтона начали доходить сведения, что Франция при поддержке стран-союзниц ввела свои войска в Мадрид, свергла конституционное правительство и вознамерилась помочь Испании вернуть ее владения в Новом Свете, руководство США было не на шутку обеспокоено. Серьезность сложившейся ситуации подчеркивалась тем, что английский министр иностранных дел Каннинг от лица правительства Великобритании предложил президенту Монро выступить с совместным

⁶⁵ См. запись этого разговора в дневнике Адамса: JQA Diary, p. 294.

⁶⁶ С соответствующими инструкциями в начале 1823 г. были назначены американские посланники в Мексику, Колумбию (Р. Андерсон), Чили (Х. Аллен), Ла-Плата (С. Родни) и поверенный в делах в Перу.

⁶⁷ JQA Writings, v. 7, p. 488–489 (John Quincy Adams to R. C. Anderson. May 27, 1823). Сознательно или по ошибке, но госсекретарь в инструкциях Андерсону использовал именно термин “конфедеративная”.

заявлением, осуждающим притязания европейских монархий на Западное полушарие. Как известно, результатом дискуссии в администрации пятого президента США на то, как следует реагировать на события в Европе, длившейся в течение месяца, стала внешнеполитическая часть ежегодного обращения президента в Конгрессу, вошедшая в историю как доктрина Монро.

Анализу идейных истоков этого документа, как и его авторства, посвящено множество работ⁶⁸. Здесь же следует напомнить, что круг внешнеполитических проблем, рассмотренных в “Принципах 1823 г.”, так тоже называли доктрину, включал в себя переговоры между США и Российской империей относительно положения вещей на западе континента, взаимоотношения между США и Европой и их перспективы и, наконец, анализ ситуации в южной части Нового Света. По поводу последнего сюжета в обращении президента провозглашалась концепция “двух сфер”, т.е. принципиальной разницы в государственном устройстве европейских монархий и стран Нового Света (“ради спокойствия как Европы, так и Америки, европейская и американская политические системы должны оставаться настолько разными и отдельными друг от друга, насколько это возможно”), и содержались предостережения в адрес учредителей венской системы от попыток распространить свою систему на любую часть западного полушария. В документе также говорилось, что вмешательство в дела суверенных латиноамериканских государств со стороны держав Европы будут рассматриваться в Вашингтоне как “проявление недружелюбного отношения” к самим США.

В соответствии с концепцией “двух сфер” могло показаться, что американское руководство окончательно преодолело свое недоверие к перспективам республиканского развития независимых латиноамериканских стран и было склонно разделять мнение об общности интересов между народами США и Латинской Америки. Также представлялось, что североамериканская республика готова прийти на помощь своим южным соседям в случае, если эта помощь понадобится. Так, во всяком случае, показалось не только главному поборнику тесных отношений между США и независимыми государствами Латинской Америки, Генри Клею, но и многим латиноамериканцам⁶⁹. Однако последующие события опровергли эти представления.

Когда правительства Буэнос-Айреса, Чили, Колумбии, Бразилии и Мексики выступили с предложением заключить соглашение о военном партнерстве с США, они встретили недвусмысленный отказ⁷⁰. Тогда Боливар в декабре 1824 г. предложил созвать в Панаме всеамериканский конгресс. К тому времени Боливар был склонен скорее рассчитывать в случае агрессивных действий со стороны Священного союза на поддержку британского флота, а не на реализацию широковещательных заявлений американского правительства о “республиканском единстве” Нового Света⁷¹. Дж.К. Адамс, ставший к тому времени президентом, и Г. Клей, занявший пост госсекретаря, тем не менее получили приглашение принять участие в Конгрессе. Бывшие оппоненты по вопросу отношений с латиноамериканскими государствами пришли к тому времени к выводу,

⁶⁸ Из отечественных работ следует назвать прежде всего монографию Н.Н. Болховитинова “Доктрина Монро (происхождение и характер)” (М., 1959). См. также: *Тройновская М.О.* Указ. соч., с. 294–296.

⁶⁹ О реакции на доктрину Монро Клея см.: JQA Diary, p. 309, 312–313. О реакции в Латинской Америке см.: *Whitaker A.H.* Op. cit., p. 534–537.

⁷⁰ Подробнее см.: *Robertson W.S.* South America and the Monroe Doctrine, 1824–1828. – *Political Science Quarterly*, XXX (March 1915), p. 82–105; *Hackett C.W.* The Development of John Quincy Adams’s Policy with Respect to an American Confederation and the Panama Congress, 1822–1825. – *NAHR* 8:4 (1928), p. 498–499.

⁷¹ Кроме того, именно Англия для Боливара служила образцом государственного и общественного устройства. Проанглийская ориентация молодых латиноамериканских государств позволила бы им чувствовать себя увереннее на переговорах с европейскими государствами, в первую очередь с Испанией. Подробнее см.: *Боливар С.* Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830. Сост. и науч. ред. А.Ф. Шульговский. М., 1983, с. 137–138.

что между ними не существует принципиальных разногласий⁷². Приглашение было принято. Помимо Великобритании и США, на Панамский конгресс были приглашены Нидерланды как государство, также обладавшее владениями в западном полушарии.

Несмотря на то, что американские делегаты – в силу разного рода обстоятельств – так и не попали на Панамский конгресс⁷³, инструкции, данные им госсекретарем Клеем, заслуживают пристального внимания. Главной темой в них стала необходимость соблюдения строгого нейтралитета. США были готовы стать посредником в заключении мира между бывшими испанскими колониями и Мадридом, однако вхождение в панамериканский союз и более активное проявление панамериканской солидарности не отвечало их государственным интересам, так как привело бы к ненужным осложнениям с Испанией и в результате – со всей Европой. Нейтралитет также предусматривал невмешательство Вашингтона в отношения между странами Южного полушария, например в аргентино-бразильский военный конфликт⁷⁴. В области морского права Клей в соответствии с традиционным для США принципом свободы морей предлагал американским делегатам отстаивать действия по либерализации правил мореплавания. Фритрейдерские принципы заключались в том, что: 1) каперство запрещается, 2) нейтральный товар под неприятельским флагом не подлежит захвату за исключением военной контрабанды, 3) блокада признается только в том случае, если она установлена *de facto*⁷⁵. Другое предложение США на Панамском конгрессе должно было касаться свободы “перевозочной” торговли, под которой подразумевалась отмена запретительных пошлин. Соблюдение этого принципа нанесло бы определенный удар по коммерции “владычицы морей”, основывавшейся вплоть до середины 40-х годов XIX в. на принципах протекционизма.

Проблема формы правления в новых государствах, по признанию самого госсекретаря, принадлежала к числу наиболее деликатных. С одной стороны, все латиноамериканские государства, кроме португалоязычной Бразилии, являлись республиками. С другой стороны, в США было известно о намерениях европейских дворов склонить Боливера к установлению монархий в Латинской Америке. С третьей же стороны, один из основных постулатов “Принципов 1823 года”, а именно доктрина “двух сфер”, основывался на аргументации, что существует принципиальная и непреодолимая разница в формах правления Старого и Нового Света. В связи со всем этим американским делегатам предписывалось избегать дискуссий на эту тему. Конечно, объяснял Клей, граждане США предпочитают республиканскую форму правления всем другим, однако они совершенно не имеют в виду рекомендовать или тем более навязывать ее другим государствам. Вместе с тем они не могут оставаться полностью равнодушными к этой проблеме, ведь от этого зависит счастье и благополучие того или другого народа, однако позиция США должна сводиться “скорее к чувству симпатии, нежели руководству к действию”. Таким образом, снова и снова невмешательство во внутренние дела других государств провозглашалось в качестве краеугольного принципа внешней политики США. При этом американским делегатам рекомендовалось напоминать о “священном долге любого государства отвергать какой бы то ни было иностранный диктат в своих внутренних делах”⁷⁶. Можно утверждать, что, не считая себя пока достаточно сильным

⁷² На президентских выборах 1824 г. Клей, первоначально выдвигавший свою кандидатуру на пост главы государства, поняв, что шансы его минимальны, согласился поддержать Адамса в обмен на пост госсекретаря.

⁷³ Американский посланник в Колумбии А. Андерсон умер от тропической лихорадки в Картахене, а Дж. Серджент, адвокат и бывший член Конгресса от Пенсильвании, просто не успел на конгресс.

⁷⁴ Конфликт касался территории Восточного берега (с 1830 г. – государства Уругвай). Кроме того, грозило перерасти в войну противостояние между Чили и Аргентиной, с одной стороны, и Колумбией – с другой, из-за территории Верхнего и Нижнего Перу.

⁷⁵ Принципы свободной торговли, которые США отстаивали со времен Войны за независимость, получили силу акта международного права на Парижском конгрессе 1856 г.

⁷⁶ Подробнее об инструкциях Клея американским делегатам на Панамский конгресс: *Исэров А.А.* США и Панамский конгресс 1826 года. – Американский ежегодник. 2003. М., 2005, с. 108–113.

государством для того, чтобы открыто влиять на внутренние дела своих южных соседей, США намеревались предостеречь последних от допущения вмешательства в их внутрисоциальные проблемы более могущественных держав.

В повестку дня делегатов конгресса могли, с точки зрения госсекретаря, войти и вопросы, касающиеся свободы совести. В этой связи рекомендовалось подчеркивать преимущества установления принципов веротерпимости на территории молодых государств. Эта проблема была не менее деликатна, чем вопрос о государственном устройстве: как известно, католическая церковь в Латинской Америке имела статус не только официальной, но и фактически единственной.

Важным пунктом инструкций являлась ситуация на Кубе и в Пуэрто-Рико, по-прежнему находившихся под властью Испании. Особенно в связи с Кубой американским делегатам было рекомендовано проявлять определенную жесткость, не боясь риска ухудшения отношений с Мексикой и Колумбией, которые, как опасался Клей, могли пойти на аннексию острова. В случае изменения статуса Кубы (либо ее присоединения к соседям по Карибскому морю, либо в случае получения ею независимости, особенно с помощью Англии), существовавший баланс сил в регионе мог оказаться под угрозой. А.А. Исэров считает, что на том этапе «сохранение status quo в Карибском бассейне представлялось важнейшим национальным приоритетом США во внешней политике»⁷⁷.

Как уже говорилось, американским делегатам не пришлось воспользоваться инструкциями Клея. Кроме того, сам Панамский конгресс не оправдал надежд, на него возлагавшихся: во-первых, далеко не все страны региона были на нем представлены, и во-вторых, по техническим причинам он закончил свою работу раньше срока, так и не обсудив целого ряда проблем первостепенной важности. Предписания Клея тем не менее являются важным документом, определившим политику США в отношении Латинской Америки на многие десятилетия. Как и президент в своих выступлениях в пользу участия США в Панамском конгрессе, Клей конкретизировал многие положения доктрины Монро. С одной стороны, США не только противопоставили Новый Свет Старому, но и выразили свое стремление к внутриамериканскому взаимодействию, основанному на экономических интересах. С другой стороны, в это взаимодействие никак не входили политические связи, как можно было бы предположить, исследуя «Принципы 1823 года». Более того, политика строгого нейтралитета, на которой настаивал госсекретарь, даже не предполагала того, чтобы США ставили во главу угла сохранение и укрепление республиканских институтов у своих южных соседей в качестве единственно приемлемых для Вашингтона, как могло бы показаться при буквальном понимании доктрины Монро. Таким образом, реальная «конкретизация» принципов доктрины оказалась гораздо более скромной, чем можно было ожидать. Соизмеряясь со своими политическими возможностями, США приняли решение не форсировать свое лидерство в южной части полушария⁷⁸.

После того как США официально признали существование новых государств в Новом Свете и настояли на праве не только иметь общее с ними геополитическое пространство, но и объявили себя ответственными за его неприкосновенность, оправдали ли они ожидания своих южных соседей? Стремилась ли североамериканская республика установить новый, беспрецедентный по своему характеру *modus vivendi* во взаимоотношениях с латиноамериканскими независимыми республиками? Вряд ли ответ на этот вопрос может быть безусловно положительным. Во-первых, на пути самостоятельных действий США на всем континенте по-прежнему лежало опасение того, что монархии Старого Света могут помешать их правительству установить нечто подобное панамскому единству. В этой связи доктрину Монро не следует воспринимать как призыв к партнерству против возможных происков европейских дворов. В действительности США заявили о своем намерении защитить собственную неприкосновенность, а никак не независимость соседних с ними государств. Администрация Монро, как и многие

⁷⁷ Там же, с. 113.

⁷⁸ Когда в 1833 г. Великобритания аннексировала Фолклендские (Мальвинские) острова, США никак на это не прореагировали.

его преемники, во взаимоотношениях с Латинской Америкой вплоть до конца XIX в. руководствовался прежде всего соображениями безопасности своей страны.

Во-вторых, американцы и не располагали реальными возможностями вступить с своими соседями военными методами, если такая необходимость возникнет, как предполагают условия любого военно-политического союза. Неудивительно поэтому, что многие современные американские историки призывают воспринимать доктрину Монро как “хорошо просчитанный блеф”⁷⁹. Отсутствие готовности и способности со стороны североамериканской республики повлиять на положение дел в латиноамериканских государствах было ясно продемонстрировано в инструкциях, данных американским делегатам на Панамский конгресс.

В-третьих, любое политическое партнерство предполагает общность интересов и равноправие – пусть хотя бы на бумаге – между договаривающимися сторонами. Между тем, американская элита в своем большинстве с недоверием относилась к мысли о схожести устремлений между народами США и Латинской Америки. Более того, начиная с поколения “отцов-основателей”, американцы, наученные горьким опытом Французской революции, сомневались в способности латиноамериканских народов жить в соответствии с традициями республиканского государственного устройства. То, как развивались соседние государства, также не могло способствовать оптимистическим прогнозам.

Несколько слов нужно сказать о “революционной риторике”, которой увлекались многие сторонники поддержки латиноамериканских патриотов. Горячий поборник “дела южных братьев”, самый последовательный и красноречивый агитатор в пользу оказания помощи латиноамериканским революционерам, спикер палаты представителей Г. Клей существенно изменил свою точку зрения, заняв должность госсекретаря в администрации Дж.К. Адамса, что, в частности, было продемонстрировано его инструкциями американским делегатам на Панамский конгресс. Безграничный оптимизм сменился у Клея весьма взвешенным, если не сказать настороженным отношением к латиноамериканским государствам. Представляется, что эта корректировка взглядов была связана не только с трезвой оценкой происходившего на юге континента, но и с изменением статуса самого Клея. Став одним из наиболее влиятельных членов администрации Дж.К. Адамса, Клей нес личную ответственность за выработку курса внешней политики своей страны и не мог позволить себе отойти от постулатов, не только утвердившихся в государственной доктрине США, но и в действительности соответствовавших их возможностям и устремлениям на международной арене.

Тем не менее к 1822–1823 гг. внешнеполитическая традиция, основы которой были заложены Дж. Вашингтоном в его прощальном послании, существенно обогатилась. Признав за латиноамериканскими народами право на независимое от Испании существование, Монро не пошел ни на какие официальные контакты с другими национально-освободительными движениями, и по поводу греков, например, боровшихся за независимость от Османской империи, в седьмом ежегодном послании к Конгрессу было лишь сказано, что американцы “питают искренние надежды по поводу героической борьбы” этого народа, которая сделает их “снова независимой нацией”.

Установление Соединенными Штатами Америки официальных отношений с бывшими испанскими колониями способствовало также расширению сферы действия мировых межгосударственных связей. Наряду с европейской системой международных отношений зарождалась новая, американская, в которую вовлекались независимые латиноамериканские государства, становившиеся ее субъектами.

Первыми из всех государств установив дипломатические отношения с республиками Нового Света⁸⁰, США не только значительно расширили сферу своих геополитических интересов, но и авансировали свое главенствующее положение в западном полушарии на неопределенно долгое время.

⁷⁹ См., например: *Jones H. Crucible of Power. A History of American Foreign Relations to 1913.* Wilmington, 2002, p. 109.

⁸⁰ Великобритания, второй признавшая независимые государства в Новом Свете, сделала это в январе 1825 г.